

Личность Бояна в "Слове о полку Игореве" и его поэтический стиль

Šprajc, Viktor

Undergraduate thesis / Završni rad

2023

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:939483>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-11**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Završni rad

Личность Бояна в Слове о полку Игореве и его поэтический стиль

student: Viktor Šprajc

mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.

ak. god.: 2022./23.

U Zagrebu, 22.3.2023.

Содержание

1. Введение.....	1
2. Боян как историческая и личность.....	3
3. Отношение автора к Бояну – анализ.....	4
4. Заключение.....	10
5. Литература.....	13

Введение

Слово о полку Игореве - эпическая поэма, написанная в конце 12-го века. Этот текст написан на древнерусском языке, а его автор совсем неизвестен. Текст рассказывает о походе князя Игоря Святославича на половецкий народ, степных кочевников, с которым русские вели большие, многочисленные и трудные битвы во времена князя Игоря, до этого времени и после. Поэма описывает поход Игоря, его попадание в плен и, наконец, его побег и славное возвращение в Киев, а затем и «к золотому престолу отца» (Заболоцкий, эл.). Хотя само *Слово* имеет свою историю, последовательность событий и персонажей, его также следует рассматривать с других, метафорических точек зрения, потому что через персонажей в произведении, прежде всего самого Игоря и его действий, раскрывается гораздо более широкая картина. В сочинении изложено состояние всего русского государства и его настроение после победы или после поражения. Поэтому поэма часто сравнивается, в этом же контексте, с другими национальными эпосами, такими как английский *Беовульф*, французский *Роланд* или испанский *Сид*.

Первое, что необходимо сказать в работе о *Слове о полку Игореве*, - происхождение и исторический фон этого произведения. *Слово*, несомненно, рассматривается как одно из ключевых произведений русской культуры для понимания славянского взгляда на жизнь, но существуют споры о его литературном и культурном характере и его датировке. Так, в своей статье о важности *Слова* в русской культуре и за ее пределами (в славянской культуре в целом), Селиванова пишет следующее об упомянутом споре:

Сомнения в датировке создания «Слова» высказывались еще в начале XIX в. митрополитом Евгением (Болховитиновым). Однако наиболее резко выступил в середине 1960-х гг. историк А. А. Зимин, который достаточно аргументированно обосновал то, что «Слово» является позднейшей компиляцией 80-х гг. XVIII в. Столь поздняя датировка и недоверие к подлинности текста вызвали волну научного негодования. В дискуссии на страницах прессы приняла участие вся ученая элита второй половины XX в.: Д. С. Лихачев, Ф. П. Филин, О. В. Творогов, Б. А. Рыбаков, Ю. М. Лотман и многие др. (Селиванова 72)

Иначе говоря, некоторые считают, что *Слово* истинно древнее произведение, которое прямо свидетельствует о ранних временах русской культуры, о временах самого её создания. Но другие считают совершенно наоборот - что *Слово* создано сравнительно недавно в историческом смысле, и что оно представляет собой только не прямое сообщение о временах, которые автор текста вообще не видел, а только (как и читатели), о них слышал и изучал их.

Но, несмотря на дату самого происхождения, *Слово* стало не только ключевым историческим текстом, но и важнейшим памятником и русской культуры, и культуры всех славян. Оно рассматривается как один из источников славянской культуры. В этом почти все ученые соглашались без спора, несмотря на древность самого текста и время, в котором жил его неизвестный автор. Не удивляет поэтому следующее:

Знакомство славянского мира со «Словом» породило целую серию прозаических и поэтических переводов памятника на белорусский, болгарский, македонский, польский, сербохорватский, словацкий, словенский, украинский, чешский языки. (Селиванова 73)

Из целого спора о происхождении текста можно установить только одно: *Слово о полку Игореве* - значимый памятник и элемент русской культуры и словесности, и для всех других славян и культур их стран оно является важным свидетельством о прошлом, и способом поучения, как следует жить. Основная тема произведения – гордость, жадность и ненасытное стремление к успеху Игоря, и то, как это приводит его (почти) к разорению и весь его народ к великому и тяжелому поражению. На пути ко дну Игорь игнорирует многочисленные мрачные знаки и предупреждения, отказывается слушать чей-либо голос, кроме своего собственного. Этим автор хочет научить скромности и благоразумному образу жизни читателей, будь то великие полководцы или «простые» люди. Хотя его исторический контекст многослоен, одно из основных «определений» *Слова* – это руководство, как правильно жить.

Боян как историческая личность

В самом начале, перед развитием сюжета и характеристикой главных героев в тексте упоминается одно значительное имя - имя древнерусского барда Бояна. Само *Слово* автор открывает обращением к Бояну, который служил своеобразным образцом для поэтов того времени. Но автор в этом введении к тексту отвергает манеру Бояна, подчеркивая желание рассказать историю Игоря более реалистично, современно, без приукрашивания и возвышения, придерживаясь истины. На основании этого введения автора мы можем прийти к выводу, что Боян был довольно ненадежным с точки зрения передачи исторических событий. Автор дает читателю знать, что у Бояна были тенденции приукрашивать и преувеличивать храбрость и другие положительные черты характера самих князей и войск. Следовательно, у Бояна была такая возможность любой великий подвиг превращать в эпическое и почти божественное событие. Эта черта Бояна - то, что автор *Слова* стремится избежать в своем произведении. Он признает мастерство и способности Бояна, но считает, что такой способ передачи просто не подходит для сочинения на столь серьезную тему, которую раскрывает *Слово*.

Важно подчеркнуть, что Боян пользовался почти божественным статусом практически только потому, что был древним бардом. Именно древние барды всегда считались (в прошлом, конечно, гораздо в большей степени, чем в наши дни) практически волшебными, всемогущими людьми, знающими абсолютно все о мире и о важнейших событиях и людях. Все, что древние барды говорили через свои песни, считалось прежде всего величественным, одухотворенным. Даже сама природа преклонялась перед ними. (Шарыпкин 14)

По этой причине введение *Слова о полку Игореве* долгое время интерпретировалось как череда комплиментов в адрес Бояна, которые становились все более и более интенсивными из-за восторга, который испытывает автор. Долгое время даже не принималась во внимание возможность того, что автор критикует способ повествования Бояна в контексте своего произведения и отказывается от него. (Шарыпкин 15)

Отношение автора к Бояну – анализ

Ниже приводится полное введение в текст *Слова о полку Игореве*, в котором автор рассматривает, как он хочет рассказать о событиях, и анализирует подход Бояна к повествованию о великих героях и подвигах, по сравнению со своим собственным:

Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повестий о пълку Игореве, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ[2] бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы, помняшетъ бо, рече, първыхъ времянъ усобице. Тогда пуцашетъ 10 соколовъ на стадо лебедей, которыхи дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу[3] храброму Мстиславу, иже зареза Редедю[4] предѣ пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю.[5] Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пуцаше, нъ своя вещица прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимира[6] до нынешняго Игоря, иже истягну умъ крепостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половецкую за землю Руськую,

О Бояне, соловию стараго времени![7] А бы ты сиа плѣкы уцекоталь, скача, славию, по мыслену древу,[8] летая умомъ подѣ облакы, свивая славы оба полы сего времени, ршца въ тропу Трояню[9] чресъ поля на горы!

Пети было песнь Игореви, того внуку: [10] «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бежать къ Дону Великому». Чи ли въспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче: [11] «Комони ржуть за Сулою[12] — звенить слава въ Кыеве!»

Трубы трубятъ въ Новеграде, стоятъ стязи въ Путивле,[13] Игорь ждетъ мила брата Всеволода.[14]

Из приложенного введения видно двойственное отношение автора к самому барду. Хотя он отвергает способ Бояна рассказывать о событиях, подобных тем, которые он будет описывать в своей работе, автор проявляет большое уважение к старому барду и признает значение, которое его имя имеет в русской культуре. Таким образом, можно сказать, автор и прославляет, и отвергает Бояна и его стилевые особенности.

Ломов Анатолий Михайлович в своей статье также проанализировал подробности, связанные с самой структурой *Слова*, но также сделал акцент на роль Бояна и столь важном отношении к нему автора самого *Слова*. Он, как и сам автор, в своем введении подчеркивает, что главной характеристикой Бояна является то, что тот придает событиям слишком богато украшенный вид, что концентрируется на приукрашенной и слишком драматизированной версии событий. Этот метод контрастирует с методом автора *Слова*, который стремится передать действительность как можно более реалистическим способом.

С учетом этих фактов автор предоставляет право читателю самому сделать вывод: его, автора, не устраивает в первую очередь явная неразборчивость Бояна в выборе героев своих песнопений, так как он одинаково воздает хвалу человеку высокого государственного ума, и храброму клятвопреступнику, и сепаратисту, прославившемуся разве что своей красотой. От читателя также ожидается, что он поймет и второй мотив отказа автора «Слова» от художественной манеры Бояна. Для этого ему предлагается сопоставить слова Бояна (если бы тот взялся воспеть поход Игоря, они прозвучали бы так: Комони ржутъ за Сулою – звенить слава въ Къевѣ: трубы трубятъ въ Новѣградѣ – стоять стязи въ Путивлѣ) и действительное положение дел: поход совершался в тайне ото всех, в том числе и от Киевского великого князя Святослава. Вывод, следующий из сопоставления, очевиден: Боян слишком отдается воображению, игнорируя действительность. (Ломов, 276)

Как видно, самый важный термин, который выходит на поверхность, что касается Бояна и его метода рассказывания – действительность. Самое главное, что автор *Слова* в своем

введении и Ломов в своей статье хотели сказать – это тот факт, что, хотя Боян передает суть историй, о которых повествует, он это делает слишком театрально, недостаточно реалистически. На самом деле, это мысль, с которой автор хотел начать свое писание *Слова о полку Игореве* именно для того, чтобы читатель, несмотря на истекший период времени, читая этот текст, получил конкретный контекст времени и способов повествования в период, когда *Слово* было написано. О роли введения в *Слово* и упоминания Бояна автором пишет и Филипповский в своей статье:

Конечно, давно замечено, что «парность», «диалогичность», «двоичность» «Слова» опирается на заявленную уже в начале текста произведения полемику, спор автора с Бояном, «песнотворцем старого времени», в аспектах поэтики «Слова», его жанра, его построения, образной системы. Об этом писали практически все исследователи «Слова» сразу после публикации 1800 г. и до наших дней. Образ Бояна и его функция в «Слове», безусловно, одна из ключевых позиций в его поэтике. (Филипповский 10)

Объективность - самое важное для автора *Слова* в процессе повествования. Хотя автор хвалит песнотворца, обращается к Бояну и высказывает предположение, как знаменитый бард пересказал бы это событие, он строит свою собственную историю, основанную на реалистичном изображении борьбы князя Игоря с половцами. Автор старается избежать художественный способ описания, присущий Бояну, что наиболее заметно в том, что он не описывает исключительно великую битву, в которой победу одерживают бесстрашные герои. Действительно, автор также подробно описывает падение той же армии, того же князя Игоря, который, хотя и главный герой истории, не является всемогущим и максимально приукрашенным, каким он был бы, если бы события рассказывал Боян. Боян, наверное, идеализировал бы Игоря, а автор пытается показать другую сторону медали, потенциальный вред, который Игорь нанес своему народу бесконечными войнами.

Еще одна цитата из статьи Ломова дает интересную интерпретацию самого Бояна и его роли в пересказе великих событий:

Так вот, упоминание о том, что Боян играл на гусях – бесовском инструменте, с точки зрения тогдашней церкви, из того же ряда. И это ещё не всё. Такое упоминание понадобилось автору «Слова», чтобы сознательно дистанцироваться от Бояна. Он подчёркивает, что при всём уважении, которое он испытывает к своему предшественнику, Боян не поэт, а певец – «милостник» князя, т.е. скоморох высшего разряда и что творчество Бояна – пройденный этап, к которому нет и не может быть возврата. (Ломов, 277)

Хотя роль Бояна во всем тексте на первый взгляд очень мала, на самом деле она имеет решающее значение для контекста всего текста *Слова о полку Игореве*. Таким образом, она не так однозначна, как кажется. Фигуру Бояна можно рассматривать с нескольких точек зрения. Его можно рассматривать, как уже было сказано, как божественную фигуру, как человека, обладающего сверхъестественными знаниями. Этот опыт Бояна подкрепляется тем фактом, что в тексте он упоминается как внук Велеса, божества, от которого Боян «унаследовал» сверхъестественные поэтические способности. Кроме того, Бояна также можно рассматривать как миф, как фигуру, настолько почитаемую и возвеличиваемую, что уже не имеет значения, существовал ли он когда-либо как реальная личность, но становится достаточно поклоняться мифу, созданному вокруг него и его методов. Только его «мысль» становится важной. Наконец, третья перспектива, из которой можно наблюдать Бояна, уже обсуждалась, это уникальный стиль повествования, отличающий Бояна от всех остальных древних бардов. (Шарыпкин 16-20)

Нужно упомянуть, что автор *Слова* Бояна считает почти божественной фигурой, самой высокой для древнерусской культуры. Несмотря на тот факт, что автор использует собственный, более реалистичный метод повествования, он учитывает важность Бояна и превосходную роль, которую он сыграл в истории русской литературы и культуры вообще. Об этом говорит и следующая цитата Филипповского о том, как высоко автор ценит Бояна и какие похвалы он дает Бояну в его тексте:

Боян внятно соотнесён с образом одного из главных божеств древнерусского языческого пантеона – богом земных богатств и сокровищ Велесом-Волосом. (Филипповский 10)

Поэтому введение в *Слово* просто невозможно считать критикой Бояна и его манеры, а даже совсем наоборот. Автор поясняет, что он будет пользоваться собственным методом, чтобы передать действительно то, что происходило на войне князя Игоря, и последствия этого. Даже специалисты, в том числе и, например, Пушкин, в свое время не были уверены, было ли главным намерением автора восхвалять Бояна или критиковать его. Само введение написано так, что о Бояне говорится в равной мере и в положительном, и в отрицательном ключе, так что уход автора от Бояна не может быть так легко и быстро понят, как нечто абсолютно отрицательное. Его можно было бы просто понять как выражение автором большого уважения к старому барду, с акцентом на то, что его текст все-таки чем-то отличается от предшествующих ему подобных, и что только из-за этого ему приходится временно «игнорировать» Бояна. (Шарыпкин 16)

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно утверждать, что Боян тем не менее вездесущ в тексте и что он был для автора одной из главных фигур во время написания самого текста. Хотя он избегал метода Бояна, именно поэтому автор должен был находиться в постоянном «контакте» с Бояном и его творчеством и манерами, его фигура должна была быть тенью, которая движется вокруг автора, чтобы иметь возможность полностью дистанцировать свой метод от метода Бояна. Об этом сообщает и Филипповский в приведенном отрывке:

Не случайно было сказано, что образ Бояна как бы витает над «Словом», выступает ключевым образом-медиатором в структуре динамического хронотопа поэмы. Автор «Слова», как следует из его программного заявления в экспозиции текста, целенаправленно сплавляет воедино событийность реально-историческую и событийность поэтическую, вехи и образы языческой Руси и христианской актуальной современности, рубежи истории и рубежи поэзии, отталкиваясь, опираясь при этом на образ поэта-медиатора Бояна (Филипповский 11)

Филипповский продолжает анализировать отношение автора *Слова* к Бояну в том же духе, подчеркивая, что Боян является «участником» в создании самого текста в той же мере, как и автор. Именно из-за желания автора создать собственную манеру повествования эпическое Бояна всё-таки должно быть в тексте, чтобы это описать, но не так, как сделал бы Боян. Таким образом, эпическое существует, но совсем по-другому по сравнению с тем, как если бы повествователем был Боян. Иными словами, эпическое представлено как реальное, как «мировое». Эпическое и поэтическое, которые «принадлежат» Бояну, существуют во взаимоотношении с реалистическим (которое «принадлежит» автору) и все эти элементы вместе создают совершенно уникальное произведение. Об этом говорят и следующие цитаты:

Учитывая особую значимость образа Бояна в «Слове», а также с ним связанного мифопоэтического хронотопа, важно подчеркнуть, что хронотоп пограничности вырастает из органического соединения хронотопа реально-событийного (автор) и хронотопа мифопоэтического (Боян), что в совокупности составляет единый текстовый хронотоп произведения. Необходимо подчеркнуть, что во всех отмеченных отношениях «Слова» отнюдь не выбивается из литературной традиции Руси XI–XIII вв., но является её наиболее ярким выразителем и представителем (Филипповский 11)

Характерное для динамической поэтики «Слова» контрастное соотнесение автора и Бояна (не только их времени, но и поэтики), образов, символов и поэтических представлений как бы задано, обусловлено уже изначальным введением альтернативного авторскому образу Бояна – поэта-волхва, «вещего внука Велеса», ведуна с его «замышлением» (такие черты ему приданы автором в пророческом и поэтическом контексте произведения). Ясно, что мы имеем дело с глубоко обоснованным авторским приёмом, определившим сразу художественную концепцию «Слова», поэтическую альтернативную структуру и природу его поэтического двоемирия, возможности и диапазон поэтического манёвра, которыми автор блестяще распорядился. (Филипповский 12)

Здесь Филипповский определяет введение в *Слово о полку Игореве* как, так сказать, ключевой пункт в произведении в целом. На самом деле, упоминанием Бояна, его превосходности, но и негативных пунктов его манеры описания великих событий и утверждением, что он будет писать свою историю совсем иначе, автор сразу задает своему тексту структуру, сразу дает читателю понять, как история будет создана, какие сообщения, поучения и взгляды на поход князя Игоря можно ожидать в тексте. Таким образом, читатель не останется разочарованным (например, из-за отсутствия описаний и великих похвал князю Игорю), потому что ему сразу дана картина целого произведения и взгляд автора самого произведения на события, которые будут описаны.

Заключение

В заключение необходимо сказать, что слова Ломова резюмируют самое важное, что нужно помнить о знаменитом древнерусском барде, Бояне. Он не поэт, он певец, артист, человек, который приблизил великие истории русского народа к тому же самому народу, причем таким образом, который будет одновременно и понятен, и также привлекателен для прослушивания и размышлений над определенной темой. Именно по этой причине, независимо от его славы, его манера не могла быть фактором при создании текста столь серьезного и значительного, как *Слово о полку Игореве*.

Поэтому нужно понять, что автор *Слова* написал введение, где он отказывается от метода Бояна не из-за того, что Боян является каким-то несерьезным и неважным творцом, от которого надо было отойти, когда создавались такие тексты, как *Слово*. Просто метод повествования Бояна в жанре, к которому принадлежит *Слово о полку Игореве*, оказался неприемлемым. Главной целью *Слова* было передать сообщение читателю о том, как нужно жить, какие правила нужно учитывать, чтобы быть положительным человеком и вести порядочную жизнь. Это текст, который резко осуждает жадность и упоминает о важности того, что человек был доволен своей жизнью и не стремиться иметь слишком многое в жизни.

Что касается истории Игоря, учитывая упомянутое выше, следует отметить, что автор хотел прямо передать его ошибки и их реальные последствия, полностью без украшений и эпических описаний. Поэтому манера повествования барда Бояна оказалась неприемлемой для *Слова о полки Игореве*. Но автор всё-таки очень уважает Бояна, его важность и роль в славянской культуре и хочет, чтобы было понятно, что он метод Бояна не осуждает, хотя не хочет писать *Слово*, используя такой метод. Иными словами, автор *Слова*, вне зависимости от того, когда на самом деле был создан текст, показывает нам одну очень важную вещь: важность постоянной ориентации на будущее и разрыв с прошлым. Автор очень хвалит Бояна и его манеру изложения историй, но твердо стоит на том, что его текст требует чего-то другого, чего-то нового. И это касается не только этого текста, но и литературы, языка, культуры и жизни в целом. Слишком долгое пребывание в истории и использование одних и тех же подходов к тем или иным проблемам ведет к стагнации общества, всех его элементов и членов, к остановке развития человечества во всех смыслах. Это полная суть введения в этот исторический текст.

В целом *Слово* — это произведение, которое, несомненно, определило русскую, а также славянскую культуру и общество. Это текст, который больше, чем просто текст. Его можно рассматривать как памятник прошлому и напутствие для будущего, как напоминание о культуре жизни в древние времена, которая, следовательно, может служить ориентиром для жизни в настоящем и будущем. Однако, помимо руководства в жизни, это еще и памятник древним традициям и верованиям, приметам и истолкованию их значений, которые в определенной степени определили славянскую культуру и религиозность. Несмотря на все вышеизложенное, и согласно тому, о чем шла речь в данной работе, произведение важно еще и тем, что впервые встречается значительный отрыв автора от поэтического стиля древнерусского барда Бояна, и первый глубокий анализ в рамках иного произведения, его способа повествования.

До *Слова* эпическое и величественное в древнерусской культуре ассоциировалось с именем Бояна. Автор *Слова* был первым, кто честно обрисовал поэтический стиль Бояна и дистанцировался от него, в то же время отдавая должное Бояну, его важности и заслугам и давая понять своим читателям, что его история требует другого подхода, хотя он высоко ценит подход Бояна. Иными словами, *Слово* можно рассматривать как отход от важной

традиции «мирным путем», то есть с сохранением и памятью о ее ценностях и заслугах перед обществом и культурой.

Литература

1. Заболоцкий, Николай. *Слово о полку Игореве*.
<https://www.culture.ru/poems/39048/slovo-o-polku-igoreve>
2. Ломов, Анатолий Михайлович. *Боян в Слове о полку Игореве: мифы и реальность*. <https://cyberleninka.ru/article/n/boyan-v-slove-o-polku-igoreve-mify-i-realnost/viewer>
Доступ: 7 ноября 2022
3. Селиванова, Ольга Владиславовна (2010) *К юбилею «Слова о полку Игореве»*.
<https://cyberleninka.ru/article/n/k-yubileyu-slova-o-polku-igoreve/viewer>. Доступ: 22 марта 2023
4. *Слово о полку Игореве*. <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-polku-igoreve/slovo-o-polku-igoreve-original.htm>. Доступ: 22 марта 2023
5. Филипповский, Герман Юрьевич (2019) *Динамическая поэтика «Слова о полку Игореве» (к статье Д. С. Лихачёва «Предположение о диалогическом строении „Слова о полку Игореве“»)*. <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskaya-poetika-slova-o-polku-igoreve-k-statye-d-s-lihachyova-predpolozhenie-o-dialogicheskom-stroenii-slova-o-polku-igoreve/viewer>. Доступ: 22 марта 2023
6. Шарыпкин, Д. М. (1976) *Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов*.
http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Mjzu-fT0_g%3d&tabid=2277. Доступ: 11 апреля 2023

Sažetak : U ovom se radu analizira drevnoruski tekst nepoznatog autora *Slovo o vojni Igorevoj*, prije svega putem analize stila pripovijedanja barda Bojana, kojeg autor *Slova* spominje u uvodu te izražava svoju namjeru odmaknuti se od Bojanovog stila. U radu se analizira odnos autora prema Bojanu, značenje figure Bojana za cjelokupan kontekst *Slova*, kao i povijesni i kulturološki kontekst samog djela.

Ključne riječi : Bojan, stil, pripovijedanje, kultura, spomenik, *Slovo o vojni Igorevoj*

Ключевые слова : Боян, стиль, повествование, культура, памятник, *Слово о полку Игореве*

Kratki životopis

Viktor Šprajc rođen je 2.11.2000. u Zagrebu. Osnovnu je školu pohađao u Ivanić Gradu (2007. – 2015.), a srednju školu u Zagrebu (2015. – 2019.). Na jesen 2019. upisao je studij Anglistike i Ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu, a 2022. je upisao Nastavnički smjer na diplomskom studiju Anglistike. 2019. položio je Cambridge ispit British Councila za certifikat C2 razine engleskog jezika (CPE). U istoj je godini došao do državnog natjecanja iz engleskog jezika, sudjelovao na međunarodnom online natjecanju iz njemačkog jezika *Best In Deutsch* i na županijskom natjecanju LiDraNo (osim toga, sudjelovao je u radu školskih dramskih grupa tijekom sve 4 godine srednjoškolskog obrazovanja).